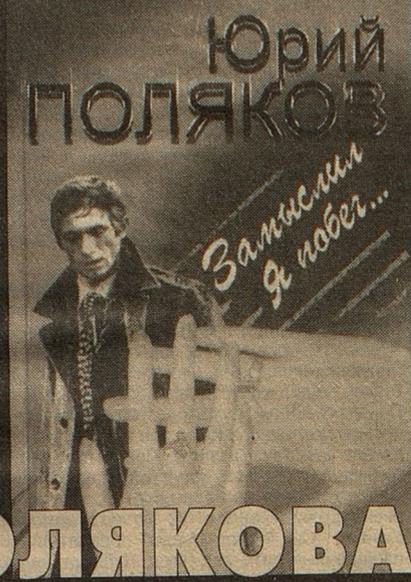


АНОНС

"Замыслил я побег..." — так цитатой из Пушкина назвал свой новый роман Юрий Поляков. Любопытно, что цитату из того же пушкинского стихотворения вынес много лет назад в заглавие своего романа "Пора, мой друг, пора!" Василий Аксенов. Кстати, и темы обеих книг в чем-то схожи: судьба человека, не умеющего жить в своем времени... Впрочем, это — магистральная тема всей русской литературы. Кто из классических героев умел жить в своем времени?

ВТОРОЙ УСПЕХ ПОЛЯКОВА



Воспринимаемый обыденным сознанием как семейно-эротическая эпопея роман Юрия Полякова на самом деле глубоко пародийен и в сущности представляет собой развернутую ироническую метафору социально-нравственной катастрофы, постигшей российское общество в последнее десятилетие XX века. Не случайно именно к творчеству Юрия Полякова чаще всего применяется бахтинский термин "гротескный реализм". Один из самых заметных иронистов новой волны (целое поколение изъяснялось шуточками из "Апофегея"), Поляков, к счастью, не впал в тотальный сарказм, усвоенный сегодня, к сожалению, даже телевизионными дикторами. Он пишет литературу, а не глумливую модель мира, пишет с насмешливой болью в сердце.

Автор называет своего главного героя "эскейпером". Это придуманное, точнее, искусственно сконструированное английское слово обозначает особый человеческий тип — неприглядного, но массового и безжалостного разрушителя империй. Империи, по мысли Полякова, распадаются не в результате деятельности бездарных "отцов нации" и не по вине жидомасонских заговоров, просто в какой-то момент количество "эскейперов", людей, не умеющих совершать поступки, убегающих от ответа на вызов времени, достигает критического уровня, и то, что вчера казалось незбылемым, рассыпается в труху.

Будучи очевидной эстетической полемикой с постмодернизмом, роман "Замыслил я побег..." одновременно является и самым убедительным в художественном смысле примером "конвергенции" реализма и постмодернизма. Юрий Поляков сумел сохранить то, что утратили многие в интертекстуальных метаниях и нонселекционных экспериментах: его герои воспринимаются как живые люди, а его текст читается с трепетным интересом до последней страницы. Вообще феномен Юрия Полякова фактически не осмыслен критикой. Его первый шумный успех во второй половине 80-х был связан с повестями "ЧП районного масштаба", "Сто дней до приказа", "Апофегей". Это были знаковые книги, занимавшие в общественном сознании примерно такое же место, как сейчас Виктор Пелевин. Однако справедливо замечено: писатель по-настоящему обосновывается в литературе и душах читателей только после "второго" успеха. "Второй" успех означает, что художественный мир автора пережил очередную смену господствующих эстетических кодов, а проще говоря — моды. Вышедший несколько лет назад роман-эпиграмма "Козленок в молоке" и особенно новый роман "Замыслил я побег..." подтверждают: к Юрию Полякову в отличие от большинства его сверстников-литераторов этот, второй, прочный успех пришел. Придет ли он к тем, кто сегодня шумно плещется в волнах первого успеха? Поживем — увидим...

Маша ЖЕРНОВА.